

Диана КАН

Россия, Русь. А дальше многоточие...

Сбежавшая с картины Хокусаи
(Да так,
что ветер взвизнул за спиной!),
Я в русских несурзных снах витаю,
И дым печной клубится надо мною.

О, Хокусаи-сан, как вы неправы,
Мне душу посылая
жгучим перцем!..
Большой волной
несчастной Канагавы
Тоска нет-нет
да и подкатит к сердцу.

И поддаюсь великому соблазну —
Цветенье сакуры узнаю во выюгах...
Какой непредсказуемой и разной
Бывает Русь
в своих сынах и внуках!

Они порою не светловолосы.
Дела их не всегда богоугодны.
Они таят коварные вопросы...
И только в снах своих
они свободны!

Но не востока утренняя свежесть
Под восходящим ввысь
японским солнцем —
А снится им
заснеженная нежность
Руси сквозь индивидное оконце.

Россия, Русь...
А дальше многоточие...
Что ж, в этот скорбный
судьбоносный век
Обочину мы приняли за отчину
И побрели по ней и в дождь,
и в снег.

Мы люди Божие,
калики переходные.
Мы эмигранты
в собственной стране...
Но как ни тщились,

нас не изничтожили
Все те, кто мимо мчались на коне.

Все те, кто напылили-накопытили.
Все те, кому чертовски повезло.
Все те, кто записались в небожители
Родной земле отверженной назло...

...Под вопли автострадные-эстрадные,
Летающие в лицо нам пыль и грязь,
Идём-бредём пообочь, невозвратные,
На купола церкви перекрестясь.

И нам не надо с отчиной сцепления
Шипами ошестинившихся шин,
Когда у ног почти в благоговении
О вечном шепчет скорбная полын.

Пускай меня зовут последней стервой,
В пример мне ставят бабушку Ягу,
Но всё равно я буду только первой,
Ведь быть второй я просто не могу.

Вот так — и только так! —
надменно мнилось
Мне в молодом запальчивом бреду.
Но если вправду предсказанье сбылось,
За свой успех отвечу я в аду.

Простите, нерождённые сыночки!
И вы простите, гневные мужья,
Что за предощущенье главной строчки
И жизнь, и душу заложила я.

За то, что мне всегда казалось мало
Любви земной и радостей земных...
Но строчка-дочка тайно вызревала
Под певчим сердцем,
выполняясь в стих.

Она ревниво всю меня хотела —
Чтоб ею лишь дышала и жила...
Вот с губ вспорхнула, в небо улетела.
Ну, а меня с собой не позвала.

Вокруг твердят: ты — сущий Лель!
Второго не отыщем!
А ты — разбойник-соловей
С ножом за голенищем.

Я этот пламенный металл,
Что золотом заточен,
Вчера, когда ты крепко спал,
Увидела воочью.

Клинок, какому нет цены
В раздраз и в лихолестье.
В нём сонмы звёзд отражены

И гулкие столетия.

Зенитом собственным пьяна,
Светло и океанно
В нём отражается луна —
Надменная Диана.

В нём ответ болдинских дубрав,
Ночных терцин мерцанье,
Разбег торкватовых октав,
За Родину ристанье.

И что свирель?.. В родном краю
Смолкают даже пули,
Когда он запоёт в бою
Иудам аллилуйю.

Уснул и не проснулся.
И — в небеса ушёл.
Ты никогда не гнул,ся,
Хоть был твой крест тяжёл.

Безрадостно светало...
Любимая жена —
Россия промолчала,
В себя погружена.

Не выла, причитая,
Соломенной вдовой.
Скорбяще-дождевая,
Склонилась над тобой.

И в вечность утекала...
И каплями дождя
Всё в губы целовала
Холодные тебя.

Ужель тебе к лицу твоя судьба,
Ты, прежде ветром крытая крылатым,
Бревенчатая русская изба,
Обложенная сайдингом, как матом?..

Здесь синий март — протальник — зимбор —
Сменял апрель — зябки снега, итйрай овражки.
И обрусевшим розам не в укор
Вновь палисады обживали кашки.

Где этот палисад? В разгаре дня
И помню, как от зноя неподвижны,
Заморские гортензи тесня,
В нём безраздельно царствовали пижмы.

Красавишны, царишны мои,
Форштадтским ветром венчаши на царство,
Судьбой своей с моей судьбой сродни,
Они так любят мне во снах являться.

В растерянности на ветру стою

И думаю: «Зачем пришла? Не знаешь?..»
...Родной Форштадт, тебя не узнаю!
И ты меня узнать не поспешаешь.

По соседству с могучим бурьяном,
Пред грозой, отливающей в синь,
У подножья крестов покаянных
Чуть горчит луговая полын.

Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет...
Ох и тёмная выдалась ночь,
Когда я появилась на свет!

Хоть и майским победным салютом
Осенил эту ночь Господь,
Но страдать безрасудностью лютой
Он обрёк мою душу и плоть.

Так живу — меж восторгом и стоном,
Воллощая стихи в стихи,
В гонорар конвертируя гонор,
За любовь принимая грехи.

И моя сиротливая строчка
Волочится за мною вслед...
Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет!

Когда на небе полная луна,
Когда на Волге ты совсем один —
Кувшинкою персидская княжна
Всплывает из отверженных глубин.

Пускай ты не назвал её женой.
Слов запоздалых — нет! —
не говори.

Пусть, осиянна синею луной,
Она цветёт до утренней зари.

Пленённая персидская княжна,
Тебя навечно взявшая в полон —
Пускай она качается, нежна,
Кувшинкою на дрёмной глади волн.

Ей безразличны и людская мольва,
И свойственный преданьям
приукарас,
Что злее зла была твоя любовь
И холоден огонь книжных глаз.

Под крики «Нас на бабу променяй!»
Она, струя потоки стальных слёз,
Лишь спросила с грустью:
«Киньшь ли?»..

В казачьем оре потонул вопрос.
Не говори, как ты её любил,

Ватажеству шальному предан в дым...
Ведь ты не виноват, что выбор был
Меж нею и всем миром остальным.

Да что же вдруг случилось с нами?
Куда нас чёрт с тобой занёс?
«Прош-ш-шло...» —
бумажными цветами
Шуршит заброшенный погост.

Прошло ли? Ой ли? Не вчера ли
Здесь дождик лил, закат кровил?
И, полный блоковской печали,
Бродил мальчишка меж могил.

Я подошла к нему поближе,
И он возрился на меня...
Ах, этот мальчик ярко рыжий,
Как сполох майского огня!

Он молча взял меня за руку,
И я подумала: «Поэт!»
Он первый преподавал науку
Влюбляться в тех, кого уж нет.

И, пыль столетий с фотографий
Смахнув, мы постигали вслух
В щемящей грусти эпитафий
Поэзии бессмертной дух.

Мне пригодилась та наука —
Да будет проклята она! —
Ведь я на грани смертной муки
Не раз бывала влюблена.

Так безоглядно, безответно,
Закусывая губы в кровь...
Всё уходящее бессмертным
Способна сделать
лишь любовь!

Ну, какое же мне прощенье?
Обо всём я знала заранее:
Не любить тебя — преступление,
А любить тебя — наказание.

Очаруешь до помутнения.
Наизнанку мне душу вывернешь.
Окаянное самозабвение
Есть в твоём погубительном имени.

Для всего остального мира я
Навсегда отныне потеряна:
Без тебя — удручённо сирая,
Хоть в любви твоей не уверена.

Ох, уж эти мне песни грустные!
Ох, уж эти волосы русые —
Неприкаянно своевольные!..

И какая тут, право, разница,
Кем ты мне повсюду мерещишься —
То уральским ясенем блещишься,
То таёжным мраком очернишься.

Усмехнёшься из омута тёмного,
Горным эхом окликнешь:
«Милая!..»

Непутёвая я, непутёвая!
Никого до тебя не любила я!

Не зову тебя всуе по имени.
И уже не прошу взаимности:
«Ты люби, ты люби,
ты люби меня!..» —
В этом нету необходимости.

Просияй же звездой в судьбе,
Но останься тайной завестию.
Несу свет тебе, несущ свет тебе,
Ой ты, Русь моя несусветная!

Венок

1. Ты не со мной сегодня. Не со мной.
Болит душа —
спешу тебе признаться.
Сбиваясь в стаи птицы, боже мой,
Уже готовы в небеса подняться.

Бессилен взор, тебя мне не достать:
Глаза не раз
всю даль перевертели,
И дали что-то горячо шептали,
Но я не смог их мысли прочитать.

А сердце вряд ли можно обмануть.
Не надо слов, когда оно в неволе,
Когда нет силы просто заглянуть
В глаза любви, не ощущая боли!

Как в забытых,
концы с концами сводишь —
Ты в мире грёз
во тьме по небу бродишь.

2. Ты в мире грёз
во тьме по небу бродишь
И ищешь то, что вряд ли отыскать,
Чтоб вновь счастливой
на мгновенье стать,
И в этом смысл,
не мудрствуя, находишь.

Всё потому, что ты не потеряла
Что так волнует и тревожит грудь
Или рождает из печали грусть,
Что без конца у жизни и начала.

И не понять, имею ли я право
Твоей судьбе
совет свой добрый дать?
Иль выплеснуть любовную отраву?
Роман любви наш больше
не читать?

Ты в море грёз
за счастьем грустно бродишь
И, может быть,
душе своей находишь.

3. И, может быть, душе своей находишь
Отдохновенье от мирских забот,
От ревности, нырнув в водоворот
Тоски своей, ты утешенье просишь.

А над землёй осенний перезвон.
Из медных листьев выслана дорога,
А с колоколен, словно голос Бога,
Блаженный звук, в который я влюблён.

Лес отгорел, отплакал, отстрадал —
Стволы берёз бесстыжие на сцене.
И даже сбросил платье краснотал —
Все на приём к хирургу Авиценне.

Один лишь ветер средь всего живой.
Чудесное забвенье и покой.

4. Чудесное забвенье и покой,
А на душе так мутно, так скверно.
Уж голос разума
пронзил меня стрелой,
Дрожат, как струны,
в напряженье нервы.

Родное эхо слышу в вышине, —
Тоскует голос, до предела звонкий.
Страх оборвется на вершине, тонкий,
И станет тяжко от бессилья мне.

Как хочется душе твоей помочь,
Освободить несчастную из плена.
И сердце бьётся, напрягая плечи, —
Изнатать обиду из сознания прочь.

Рискованной над пропастью тропой
Багаж любви несущ печально свой.

5. Багаж любви несущ печально свой,
И силы нет, любимая, расстаться.
Мечты мои, как ангел над тобой,
Зовут меня твоей души касаться.

Не оттого ль ещё печальней мне?
Глаза твои от счастья не ликуют,

«Не по тебе, — душа кричит, —
тоскуют
Они ночами тихо при луне».

Пускай живу, как будто бы во сне,
Я вижу звёзды в ярком поднебесье,
Их красоту, любви безумной песню,
И трезю, что летят они ко мне.

А наяву, срывая снов оковы,
Душа твоя несёт тебя в мир новый.

6. Душа твоя несёт тебя в мир новый,
Где нет дождей слезливых,
жутких выюг,
Нет клеветы, предательства подруг
И равнодушья в сердце ледяного.

Нет чёрных снов, что так тебя тревожат,
Свинцовых туч, ползущих над тобой,
Нет страха, что мурашки по коже,
Страданий стерегущих тесный строй.

Где пенье птиц, не карканье ворон,
Встречает день предупредений
на счастье,
И льётся патокой в лесу весёлый звон
Под разговор ручьёв, слегка болтливых.

О, как судьба бывает к нам сурова, —
Безумная, захлопнуть дверь готова

7. Безумная, захлопнуть дверь готова
Иль раздвинуть в мгновение наш путь
На тропки две
всего одним лишь словом,
И никогда нам счастья не вернуть.

Я не хочу противиться судьбе,
Пускай мне ночь тьмой душу раздражает,
Правда, наверно, раз меня карает
За все слова обидные тебе.

Несут меня безумные года,
Куда несут, одной судьбе известно,
Туда, наверно, где годам нетесно
Любить и верить искренно всегда.

Боюсь услышать глас прощенья твой
Перед моей истерзанной судьбой.

8. Перед моей истерзанной судьбой
Не трепещи. Она того не стоит.

Ты лучше душу до конца открой.
Я выдержу, пойму тебя. Я — стоик.

Я одолжу чуть силы у любви,
Чуть отоплю у первой нашей встречи,
У памяти возьму — она нас лечит.
И у зари — её душа кровит.

Как видишь, есть опора у меня.
И ты, поверь, всегда моя опора.
Не будет ночи и — не будет дня,
Не будет между тьмой и светом спора.

Но есть предел, за ним всегда покой,
Последний лист срывает
ветр шальной

9. Последний лист срывает
ветр шальной,
Безжалостно за лето ставя точку.
Не понимает, что не взять в расщорочку
Тепла хоть чуть заснеженной зимой.

Мне ближе, верь, душевное добро,
Не зря Господь прощать
нас чаще просит.

Ведь у добра — сердечное нутро,
Которое к прекрасному возносит.

И ген добра веками не купить,
Не выменять на что-то у меня.
Ему Бог в сердце указывает быть,
Чтоб на любовь без меры уповало,

И чтоб скорей со всеми поделиться,
Несётся он на крыльях лёгкой птицы.

10. Несётся он на крыльях лёгкой птицы,
Не смея Божьей воле возразить,
Не оттого ль от радости искрится
Душа, почуя чувственную нить.

Напрасно льдусь, что виновата осень,
Что лишь она — печаль моей душе,
Что лишь она — моё веселье косит
И, словно листья, комят в меже.

Вино себя. Прости моя родная,
Не верю, что любовь, как сон, ушла.
Я на тебя и Бога уповаю,
В словах моих ты не отыщешь зла.

Владимир МАСАЛОВ

11. Как день свиданья уходящий мой
Не очернить ни ревностью, ни слезом,
Мою любовь — свет яркий надо мной —
Не растопить, не вычеркнуть,
не смазать,

То Божий промысел
к тебе подвёл меня,
За то Ему готов я свечи ставить,
Он извести способен, пробуравить
Всю темень ночи до восхода дня.

Ему молось ночами я, поверь:
Меня он отнял у тоски, печали,
Против, открыл в неведомое дверь,
Простёр глаза в заоблачные дали.

12. Несётся жизнь — шальная колесница,
За журавлём, держа в руках синицу.

13. За журавлём, держа в руках синицу,
Не каждый ринется, преследуя зарю.
Не страсть поймать
красавицу-жар птицу
Приводит нас к святому алтарю.

Любовь одна, не ведая преград,
Толкает нас в дорогу спозаранок,
Она наносит и врачует раны,
Ей все равно — ты рад или не рад.

14. Всё то понять способен разве Бог.
И от добра вовек добра не ищут,
Сама любовь, свой сокращая срок,
Вдруг добавляет
грустной в сердце пищи.

15. Порой, не зная, ты уже влюблён.
Наверно, есть у жизни свой закон.

16. Наверно, есть у жизни свой закон.
В нём смысл один —
Любовь рождает Веру,
Союз из двух в Надежду запряжён.
И все они толкают жизнь-галеру.

Они, как сестры из одной судьбы,
И все они несут свою задачу
Уравновесить, — если сёстры плачут,
Они друг друга — верные рабы.

И мы с тобой, сужая жизни сны,
Сменяя мысли, думы многократно,

Не чувствуя на то своей вины,
Хотим пройти по лезвию обратно.

Весь смысл судьбы
с великим сопряжён.
Струна, порвавшись, порождает стон.

14. Струна, порвавшись, порождает стон,
Когда она, устав от напряженья,
Душе подобна в тесном окруженьи,
Взрывает капсюль,
загнанный в патрон.

Не вечен свет, не вечен листопад,
Сорвавшись вниз, хвостатые кометы
Нас призывают выкупить билеты,
Конечно, в рай, а сами — прямо в ад.

У нас с тобой судьба всего одна,
И жизнь одна, и к нашей жизни счёты,
С тобой мы — пчёлы, заполняем соты,
Чтоб выпить кубок и, дай Бог, до дна.

Бредёт по небу грустная луна,
Ей не досталось терпкого вина.

15. Ты не со мной сегодня, не со мной.
Ты в мире грёз
во тьме по небу бродишь,
И может быть, душе своей находишь
Чудесное забвенье и покой,

Багаж любви несущ печально свой.
Душа твоя несёт тебя в мир новый,
Безумная, захлопнуть дверь готова
Перед моей истерзанной душой.

Последний лист срывает ветр шальной.
Несётся он на крыльях лёгкой птицы
Как день свиданья уходящий мой,
Не дав душе блаженством насладиться.

Наверно есть у жизни свой закон.
Струна, порвавшись, порождает стон.